Иван-царевич и Марья Краса, Черная Коса

В невкотором было царстве, в невкотором было государстве, не в нашем было королевстве. Это будет не сказка, а будет присказка; а будет сказка завтра после обеда, поевши мягкого хлеба, а еще поедим пирога да потянем бычка за рога. Жил-был царь Иван Васильевич, у него был большой сын Василий-царевич, а второй сын Митрий-царевич; малый сын был Иван-царевич. Вот Василий возрастал на возрасте, и вздумал его царь женить, и очень долго невесту не находили. То найдут невесту — отцу с матерью хороша, ему не нравится; то он найдет себе невесту — отцу с матерью не кажется. Вот идет же Василий-царевич путем-дорогой, по широкой улице, повстречается ему старуха, толстое ее брюхо, и говорит Василью-царевичу: «А вот я тебе, Василий-царевич, невесту нашла!» А он ей и говорит: «Где же ты, бабушка, нашла?» — «А вот этого генерала дочь, вам нужно ее замуж взять». И сказала старуха, что она б...ь. Приходит Василий-царевич к своему тятеньке и говорит: «Тятенька, я невесту нашел, вот у такого-то генерала дочь». Тятенька говорит ему, что можно ее замуж взять. У царя неколи было пиво варить и неколи было вина курить. Пива много наварили и вина накурили и повезли их венчать. Привозят от венца, кладут на ложу. Вот на ложу он с ней не ложился, а в чистое поле от нее отшатился и теперь там на коне ездит. Хватились отец с матерью, что Василья-царевича в доме нет, и негде его искать.

Иван-царевич и спрашивает своего тятеньку: «А что, тятенька, это у нас за женка?» Отвечает ему царь: «Это вам невестка». — «А где же у ней муж?» — «Уехал во чисто́ поле давно, и теперь его нет». И говорит Иван-царевич: «Тятенька, благословите, я поеду братца искать, Василья-царевича». — «Бог тебя благословит, — сказал царь. — Знать, ты мне не кормилец!» А вот оседла́ил Иван-царевич себе доброго коня и поехал во чисто́е поле, во дикую степь своего брата искать, Василья-царевича. Во чисты́м поле, во дико́й степе раскинут был бел шатер; во шатре почивал Василий-царевич. Подъехал Иван-царевич ко белу́ шатру, восходил Иван-царевич во белой шатер и хотел его сонного убить (не знает, чей такой), и думает себе: «Что я его убью сонного, как мертвого? Не честь, не хвала мне, доброму мо́лодцу, а дай-ка лучше ото сна разбужу, ото сна его разбужу и все подробно его расспрошу: и чей такой, и откудова, и куды путь держит».

Вдруг проснулся Василий-царевич и стал спрашивать: «Чей ты такой, добрый мо́лодец?» — «Из такого-то царства и такого-то отца-матери». — «А чего тебе нужно?» — «А мне нужно, где бы найти брата своего, Василья-царевича». Сказал ему Василий-царевич: «Кто ты таков?» — «Я, Иван-царевич!» — «Иван-царевич у нас, — сказал Василий-царевич, — трех лет в зыбочке катается». Отвечал Иван-царевич: «Он сейчас не в зыбочке катается, а по дико́й степе на коне помыкается и хочет разыскать своего брата, Василья-царевича». И сказал Василий-царевич: «Я сам он!» Сели они тут на добрых коней и поехали куды знают. Заехали в зеленые луга — ну, скоро сказка сказывается, да не скоро дело делается. Уехали далече. Они сами на конях приустали, и кони их притупе́ли, и шелко́вые плети они приразбили. И сказал старший брат Василий-царевич: «А дава-ка, брат, отдохнем и коней покормим!» Сказал ему Иван-царевич: «А что знаешь, братец, то и делаешь!» Слезли с добрых коней и пустили их по зеленым лугам. Сказал Василий-царевич: «О ты, брат Иван-царевич, ляг отдохни, а я пойду по зеленым лугам, не найду ли поганого зайчишки; убью — к тебе принесу, мы его зажарим». А сказал Иван-царевич: «А ступай, братец, с Богом!» И пошел Василий-царевич куды знает и подходит к превеличающему к синему морю, и тут является хижинка. Восходит Василий-царевич в хижинку. Посмотрел: в хижинке сидит красная девица, сидит, горько плачет, и перед ней гроб стоит. И сказал Василий-царевич: «Что ты, красная девица, плачешь?» — «А как мне, Василий-царевич, не плакать? Последний я час на вольном свете. Сейчас вылезает из моря змей и меня поедает». Сказал ей Василий-царевич: «Не плачь, красная девица: я бы был жив, будешь и ты жива!» Лег Василий-царевич к ней на колени и сказал: «Поищи, красная девица, меня!» Стала та искать, он и крепким сном уснул. И вот во синеем море разбушевались сильные волны, и поднялся лютый змей, и башка его, трехведерный котел, вылезает и́з моря, идет съесть красную девицу. Она крепко его будила: «О, Василий-царевич, проснись! Съест нас с тобой лютый змей!» Спит Василий-царевич, ничего не чувствует. Роняет красная девица из своего из правого глазу горючую слезу, и пала горючая слеза Василью-царевичу на беле́е его лицо и, как пламем, обожгло. И проснулся Василий-царевич, и смотрит, что лезет лютый змей; вынул свою саблю вострую, махнул его по шее и отвалил дурную его башку. Туловище захватил, в море бросил, а дурную башку под камень положил. И сказал Василий-царевич красной девице: «Вот я жив, и вы живы!» — «Благодарю, Василий-царевич, буду я вечно твоя жена!» И отправился Василий-царевич к своему брату, к Ивану-царевичу. Приходит, ничего не приносит. «Не нашел, брат, ничего».

А эта девица красная была привезена из и́нного царства. Тут чередовали людей кажнюю ночь. У и́нного царя был дворной дурак, и посылает его царь посмотреть, что делается в келейке. Дурак запрег трюно́гоньку лошаденку, худеньку тележонку, положил на нее бочку и поехал в море за водой. Взошел в келейку — красна девица живая сидит. Он же, дурак, сохватил ее в беремя, посадил на бочку и повез домой. И сказал дурак царю: «Я, — говорит, — убил вашего змея!» Царь больно обрадовался и свою дочь за него замуж выдавал (котору он привез). Тут такое-то было гулянье! Двери были растворены, и кабаки были все открыты. Вот этого было вина из смоляной бочки и пить нельзя! И был так пир на́веселе, и такой бал, что и черт не спознал. Вот дурак стал с ней жить да быть, да добро наживать, а худо-то проживать. А Василий-царевич да Иван-царевич сели на добрыих на коней и поехали в инное царство, где этот пир идет. Приезжают к царю. Царь их встречает и крепко их почитает, и сказал же Василий-царевич: «А что, царь, у тебя за бал?» Отвечает ему царь: «Я дочку за́муж отда́л!» Сказал Василий-царевич: «А именно за кого?» — «За дворного дурака». — «А по какой причине?» — «Он от смерти ее отвел». Рассказал ему царь поведение, что у них кажню ночь тут был человек на съедение. Повезли на съеденье дочь, а дурацкая харя поехал на море по́ воду и срубил со змея голову, а дочь живую привез. Взяли ее да замуж за дурака и отдали. Василий-царевич и говорит: «А что, инный царь, надо бы этого змея мертвого посмотреть. Позовите своего зятя; он должен нам его указать, где он лежит». Позвали дурака. «А поди же, дурак, с нами, иди же, — сказал Василий-царевич, — укажи, где змей лежит». Больно ему стало грустно, что дурак с его нареченной невестой лежит. Подводит дурак к морю и говорит: «Вот тут лежит». Василий-царевич и говорит: «А подайте-ка невода́ да еще мастеров сюда! А кто может неводом ловить и вдоль по́ морю бродить?» Появились мастера́, кидали шелковые невода́ — а тут нет ничего. А он, дурацкая стать, не видал никого. Василий-царевич и говорит: «Рыболовы-господа! Киньте неводы вот сюда!» Кинули неводы и вытащили престрашную чуду, туловище. И сказал Василий-царевич: «А скажи-ка, дурак, где его глава?» Тот не знает, ответить чего. «Вот, дурак, где голова: под камнем». Подходит дурак к камню и не может его с места трону́ть. Сказал Василий-царевич: «Напрасно судьбу, дурак, взял: не ты змея убивал!» Поднял Василий-царевич камень и вытащил главу, и сказал и́нному царю: «Я похитил вашего змея!» Инный царь оголил свою саблю востру и срубил с дурака буйную его башку за то, что он криво сказал, а свою дочь за Василья-царевича обвенчал. Вот тут пили и гуляли, так веселились и несколько времени проклажались. И сказал Иван-царевич

своему брату Василью-царевичу: «Проздравляю с законным браком! Ты нашел себе невесту, а де же мне будет искать? Видно, надо по вольному свету попытать, себе су́жену поискать». Сели они за стол чайку покушать, а вечер пришел, легли по разным комнатам отдохнуть. Спрашивает Василий-царевич у своей молодой жены: «А что, есть ли на сем свете краше тебя и храбрее меня?» Сказала ему красная девица: «Ну, какая моя красота? Вот за тридевять земель, во десятыем царстве есть Марья Краса, Черная Коса, отличная хороша; только взять ее мудрено. Есть там еще Ка́рка-богатырь и образец его, как сенной стог. Не могу знать, кто будет из вас сильнее». Василий-царевич и сказал брату своему, Ивану-царевичу: «А вот, братец, где невесту тебе назначили». Иван-царевич с ними распрощался, в дальний путь-дороженьку собирался. Взял он в руки острый нож и говорит: «Когда этот вострый нож кровью обольется, тогда меня живого не будет». И поехал в чистое поле, в дикую степь, себе сужену искать. Ехал долго ли, мало ли, и стоит избушка, на куричьей голяшке повертывается. «Избушка, избушка, встань ко мне передо́м, а к лесу задо́м!» Избушка встала к нему передо́м, а к лесу задо́м. Лежит в ней Ягая Баба, из угла в угол ноги уперла́, титьки через грядки висят, маленьки ребятки пососывают, страшный большой железный нос в потолок уперла́. «А! Иван-царевич, от дела лытаешь, или дело себе пытаешь?» Отвечает ей Иван-царевич: «От дела я не лытаю, а себе вдвое дела пытаю: еду за тридевять земель, в тридесятое царство найти Марью Красу, Черную Косу́. «Ох, — говорит Ягая Баба, — мудрено ее взять и мудрено ее достать! Она очень далече. Поезжай еще столько, да пол-столько, да четверть столько». Сел Иван-царевич на добра́ коня и поехал. Ехал-ехал путем-дорогою и наехал до огромного лесу и захотел больно поесть. Стоит превеличающий дуб; на дубу шумят пчелы. И он с добра́ коня слезал, на зеленый дуб влезал, медку поесть хотел. Отвечает пчелиная матка: «Не трогай, Иван-царевич, мой мед: невкоторое время сама я тебе пригожусь!» Вот Иван-царевич так на ее слова спонадеялся, на сыру землю с дуба спускался; сел на добра коня и поехал, куды ему путь лежит. Не может на коне сидеть: крепко есть хочет. Бежит ползучая мышь, гадина. Спрыгнул Иван-царевич с добра́ коня, сохватил и хочет ее есть. Говорит мышь Ивану-царевичу: «Не ешь меня: я тебе невкоторое время пригожусь!» Бросил ее Иван-царевич и дальше поехал. При большой дороге — небольшая бака́лдинка воды и ползат рак. Вот Иван-царевич больно ему рад, хочет его поймать и на огонечке испечи. Говорит ему рак: «О ты, Иван-царевич, хоть ты мне и рад, а не тревожь ты меня: я тебе пригожусь». Иван-царевич крепко осерчал и рака в воду кидал. «А будь-де тее не ладно! Все жив буду, не умру!» И опять поехал путем-дорогой. Ехал много ли, мало ли,

долго ли и коротко ли — доехал до Ка́рки-богатыря. Приезжает, его дома не заставает, только одна его мать. Она его увидала и крепко узнала. «Ох, Иван-царевич, давно тебя ждет Ка́рка-богатырь!» Иван-царевич и говорит: «А скажи-ка, бабушка, где он?» — «Третий год за невестой ездит». — «В каку сторону?» — «За Царем-девицей. Третий год ездит и сужену себе не достанет; тебя крепко желает и на тебя больно серчает: «А! Только бы он подъявился — живого съем!» А поди-ка выдь во чисто́ поле, во дику́ю степь, а возьми-ка подзорную трубу, а не едет ли Ка́рка-богатырь. Если с радостью едет — вперед его ясен сокол летит, а если печальный едет — над ним черный ворон вьется». Поглядел Иван-царевич в подзорную трубу, увидал Ка́рку-богатыря, и над его главой черный ворон вьется. Вот и сказал Иван-царевич баушке: «Несчастный едет». — «Ну, — говорит баушка, — куды же мне тебя деть? Он едет сердитый». Отпирает кладушочку и запирает замком. «А вот, говорит, тут ляг, полежи. Я перва́ его водочкой угощу и про тебя расскажу». Явился Ка́рка-богатырь, говорит мамыньке: «А пожалуй-ка, мамынька, испить!» Наливала ему баушка чарочку бражки; он чарочку выпивал и пьян не бывал. «А да́-ка, мамынька, еще!» А другую выпивал, на́ весел позывал. Спрашиват его мамынька: «А де сужена, сынок, твоя?» — «Измучил, мамынька, себя!» — «А если бы Иван-царевич приехал?» — «А вот-вот было бы мне хорошо: достал бы я себе Царя-девицу не один, а с ним, и научил бы его, как достать ему Марью Красу, Черную Косу». Баушка и говорит: «А чай бы его сейчас ту не трону́л?» — «Ох ты, мамынька моя! Кабы он сейчас был у меня, за́ руки бы его принимал и в саха́рные уста бы целовал». Сударыня его матушка и говорит: «А он здесь, сыночек, спит в кладоушечке». Вот Ка́рка обрадовался, сам в кладовую собирался; за руки его принимает, за дубовой стол сажает, чаем-водкой угощает. И сказал Ка́рка-богатырь: «Ох ты, брат Иван-царевич, а я только про тебя слышал, как ты родился и в зыбочке катаешься!» Иван-царевич и говорит: «Я не в зыбочке катаюсь, а на доброем коне по дико́й степе помыкаюсь. Я не привык в царстве царствовать, я привык по дико́й степе летать и больше себе горя увидать». — «А что ты, Иван-царевич, на добром коне по дико́й степе помыкаешься, чего ты себе разыскивать?» — «А вот что, — говорит Иван-царевич, — за тридевять земель, в тридесятом царстве есть Марья Краса, Черная коса; мне хочется ее достать и за себя замуж взять». Ка́рка-богатырь и говорит: «Мудрено ее взять, а надо один раз умирать, тело и кости по дикой степе раскидать». — «Ох, брат любезный, Ка́рка-богатырь, убытку не принять, так в торговыем деле и барыша не видать; а если нам, богатырям, по вольному свету не полытать, да хорошей суженой не поискать — это нам не честь, не хвала; чтобы мы по вольному свету не

лытали, чтобы нужды себе не видали». — «Ну, — говорит Ка́рка, — эту сказку, Иван-царевич, бросим, а еще но́ву начнем».

Тут начиналась сказка, начиналась побаска от сивки и от бурки, и от курицы виноходки, от зимняка поросенка наступчатого. Вот поросенок наступает, сказывалыцика с г... сбивает; вот сказывальщик, он был Недорода сел с... на дорогу, где свинья шла. Ка́рка-богатырь и говорит: «Ну да, брат, пошутил да и будет. А спроси-ка гуся, не зябут ли ноги? Я третий год езжу за своей нареченной невестой. Айда-ка помо́ги да послушай, что я расскажу: у моей-то невесте сорок кузнецов, как ударят сорок раз — и родятся тотчас сорок военных солдат, вооружены и на бой готовы. Да еще, брат, у моей-то невесте сорок деушек; оне сидят в комнате; у кажней деушки сорок булавочек, а ох-то, как булавочкой-то ткнет, и солдат-то на бой готов. Я буду солдат-то бить, а ты будешь кузнецов-то рубить; я буду невесту любить, а ты деушек бить». Иван-царевич и говорит: «Умру, брат, с тобой!» Сели да и поехали. Приехали в Новодевиченское царство к Царю-девице. «Ты, брат Иван-царевич, близко не ходи, а по комнатам ходи, деушек руби, да кузнецов-то губи и близко ко мне не подходи!» Вот да они и поехали, а вот скоро они и приехали. Начали силушку рубить, красных деушек душить и Царь-девицу в плен брать. Не пиво нам было варить, не вина нам тут было курить, а дорого Царицу-цевку взять. Кузнецов-то погубили, красных деушек порубили, Царь-то девицу в плен взяли. Ка́рка-богатырь ее взял и туго к сердцу прижал, и отправились они с ней домой. Хватился Ка́рка-богатырь, что с ним Ивана-Царевича нет. «Ох, — говорит, — мамынька, я его, знать, убил!» А Иван-царевич и говорит: «О да, брат, я здеся!» Они тут пили, гуляли, веселились. «Ну-ка, Иван-царевич, дава-ка выпьем по третьей! Я пью, гуляю, веселюсь и тятьки с мамкой не боюсь!» — «Ох да, Ка́рка-богатырь, головушка болит, больно мочи нет». И чаю не воскушат, и водки не принимат. «Положи ты меня на воздух, на самый легкий!» Думает себе Иван-царевич: «Что, мне Ка́рка-богатырь рад или не рад? Дай я себе нарочно захвораю». И сделался болен, не может ног таскать. Ка́рка-богатырь ходит за ним, как за малым детищем; вынес его во зеленый сад, положил на тесо́вую кровать, где бы можно его было ветром обдувать. Лежит Иван-царевич в саду на кровати; прилетает к нему его большего брата первая жена, сидит в саду, подняла ногу, д...-то и кажет: «Ох да, не попробавши товар, да бросил меня!» Иван-царевич прицелился из ружья, хлоп раз и попал ей в правый глаз. Она и улетела. «Ну, Ка́рка-богатырь, — говорит Иван-царевич, — благодарю тебя: приспокоил ты меня хворого». Немножечко время продолжало, Иван-царевич и говорит: «Ох, брат, давай-ка, выпьем зелена вина». Ка́рка-

богатырь больно обрадова́лся, сам за вином сбегал, водкой, чаем угощает и словами улещает. «Ох ты, брат ты мой любезный, как с устатку чуешь в себе здоровье?» — «А вот же, слава Богу, старого по-старому, а вновь ничего. Долго я здесь с тобой, Ка́рка-богатырь, прогулял, путь свою, дороженьку потерял. Что я задумал, нужно делать и куды нужно, надо ехать». Ка́рка-богатырь и говорит: «Куды знаешь, туды и едешь». — «А куды, брат, я вздумал, туды и поеду!» — «Если я тебя, брат Иван-царевич, не научу, как ее взять, как держать — жив не будешь». Вот Иван-царевич слезами заливался, полотенцем утирался и говорит: «А да и будет, и прощай!» Сел на добра́ коня и поехал. Ударил своего доброго коня, бил его по крутым бедрам, пробивал его кожу до́ мяса, бил мясо до́ кости, кости проломал до́ мозгу — его добрый конь горы, долы перепрыгивал, темны леса межу ног пускал. Ехать ему было три года, он доехал в три часа. Приезжает в то место, где ему нужно, идет по широкой улице и спрашивает православных людей: «А где живет Марья Краса, Черная Коса?» Попадается ему навстречь баушка-просвирня, которая имеет проживанье с Марьей Красой, Черной Косой и готовит для нее кушанья. «Ох, баушка-просвирня, а будь-ка ты сми́рна! Где бы мне повидать Марью Красу, Черну Косу?» — «А на что тебе, Ванюшка, ее?» — «А хочется мне ее увидать, в саха́рные уста поцеловать и за себя замуж взять». — «Поди-ка, Ванюшка, да купи разныих цветов, разныих духов, а я пойду да ее в гости позову. А ты, добрый молодец, ляг на диван, спать-то не спи, а послушай, что будет». Вот Иван-царевич лег; баушка-просвирня пошла к Марье Красе, к Черной Косе, и говорит: «О да, здравствуй же, Марьица Краса, Черная твоя Коса! А пожалуй-ка ко мне в гости!» Марья Краса обрадова́лась и в гости к ней собиралась. Восходит к ней в комнату: воскрашена ее комната заграничными цветами и разными духами. Говорит Марья Краса: «Где ты, баушка, взяла заграничные цветы и разные духи?» — «Что́ по морю-то плывет, все то не поймаешь, а что́ люди-то говорят, все не переслушаешь. Дава-ка, Марьица, мы с тобой сядем да чего-нибудь придумам». — «А что у тебя в чулане? Кто у тебя, баушка, лежит на диване?» — «А вот погляди». Марья Краса подошла к дивану и спрашивает: «А это что за мужик? А как бы я его поцеловала!» Баушка не унимала и поцеловать заставляла. Она его поцеловала. Ну же Иван-то-царевич был не глуп, он пымал ее вдруг. Он ее пымал, во саха́рные уста целовал, туго к сердцу прижимал. Они тут полежали, ну и немножко из прочего чего-нибудь сделали. Взял, да будет, не скажу. Иван-царевич и говорит: «Благодарю, баушка, что ты меня свела и Марьюшку ко мне привела». А Марья Краса, Черная Коса и говорит: «Я буду вовек твоя мужняя жена и неразлушная. Садись-ка, Ванюшка, на доброго

коня и бери меня с собой. Я, Ванюшка, не расстануся с тобой!» Сели да и поехали на Ванюшкином на доброем коне.

Как у Марьюшки Красы было двенадцать братов; приезжали к ней в гости, дома Марьюшки Красы нету. Спросили у баушки: «А де же наша родная сестра, Марья Краса?» Баушка и говорит: «Был злодей Иван-царевич, он и квас-от пил, а у Марьюшки квасницу не покрыл, и уехали они в путь-дорогу». Вот же родные братья привели пегоньку кобыленку о двенадцати пежинах, сели кажний брат на пежину, сели да и поехали. «Догоним его, злодея, растерзаем, а ее отнимем!» Сколько мало ли время продолжалось, они его догнали и сестру отняли; его изрубили на мелки части, раскидали по дикой степе. Кровь во сыру́ землю, мясо воронья́ клюют.

У любимого его брата Василья-царевича, у его молодой жены выката́лся из очей вольный свет: увидала в крове вострый нож и сказала мужу: «Посмотри-ка на вострый нож: твово родного братца вживе нет». Василий-царевич и говорит жене: «Ох, да я ведь ничего не знаю! Ох, да знать, погиб!»

Во дворе же был царскием превеличающий великий каракульский дуб; в этом дубу сохранялась живая и мертвая вода. Она сохранялася, никому не открывалася. Вот же Василья-царевича законная жена подходит к карака́льскому дубу, слезно плачет и просит: «О батюшка, старый каракульский дуб, отпусти мне, ради Бога, мертвой и живой воды!» Дуб не открывается, и из дуба вода не отпущается. Она ходила, ходила и сама себя крепко истомила: не может ног таскать и на плечах буйну голову держать. У ней были две сестры родныих, благочестливые деушки, и спрашивают ее: «Что ты, сестрица, худа, что ты, сестрица, тужишь, что ты, сестрица, плачешь?» Отвечает она им: «Как мне не плакать? Пищи я не принимаю, темные ночи не сыпа́ю, хожу я на тятенькино широко подворье, к каракульскому дубу; все ночи простаивала, у каракульского дуба упрашивала: "Ох ты, батюшка, каракульский дуб, отпусти ради Бога мне мертвой и живой воды!"» — «А на что тебе, сестрица, живой и мертвой воды?» — «Ох, сестрицы, не знаете вы мово горя, что помер мой братец родимый, Василью-царевичу брат и мне такой же!» — «Пойдем-ка, сестрица, и мы с тобой, да помолимся Богу, да попросим каракульского дуба, не отпустит ли он нам». Собрались все три сестрицы родныих, полуночные поклоны дубу клали, из глаз своих слезы роняли и дубу говорили: «Ох ты, батюшка, каракульский старый дуб, отпусти ты, ради Бога, живой и мертвой воды!» Вдруг каракульский дуб открывается, и вода из него выпускается.

Налила жена Василья-царевича два пузырька и говорит: «О, ты, мой милый муж да Василий-царевич! Оседлай-ка свово доброго коня, да поедем-ка, куды я велю, да найдем-ка мы свово братца Ивана-царевича во дикой степе!» Сели да и поехали и на то место приехали, где Ивана-царевича мясо разбросано. Вот они мясо сбирали, по суставчикам расклали, мертвой-то водицей помазали, а живой-то водицей спрыска́ли. Иван-царевич встал, встряхнулся, на все четыре стороны оглянулся и говорит: «О, да как я долго спал!» Отвечает ему невестка: «Кабы не мы, так и вовеки бы ты спал». — «Спасибо те, сестрица, пожалела ты меня, ну прощай и напредки не оставляй!» Сел да и уехал. Мы это бросим и друго́ начнем. А вот он отколь приехал, туды опять и уехал. Ударил Ванюша свово доброго коня своей шелковой плетью; конь его добрый осерчал и шибко его помчал. Приезжает Иван-царевич в ту сторону, где жила Марья Краса, Черная Коса. Нашел баушку-просвирню, она ему и говорит: «Поезжай-ка, Иван-царевич, куды я пошлю: через тридевять земель, во десятое царство. Научу я тебя, как Марьюшку взять, как ее достать. Должен ты долго сам пострадать. Поезжай к ее баушке, а у той ли баушки двенадцать дочерей. Оне-то деушки да деушки, а будут сейчас кобылушки да кобылушки. Приедешь к баушке во двор, скажи ей: "А, родима баушка! Нет ли продажной лошадушки?" Скажет тебе баушка: «Есть у меня двенадцать кобылушек, оне не продажные, а заветные. А вот я тебе прикажу три дня их пасти, за работушку что ни лучшую взять лошадушку, а если не спасешь и домой не пригонишь, то мяса твово наемся и крови твоей напьюся!»» Василий-царевич и думает себе: «А да-ка попытаю! Две смерти мне не будет, а одной-то я не миную и знаю, за кого пропадаю». Взял у баушки подрядился да наутро хлоп и погнал лошадушек пасти, пригнал их в зеленые луга. Испекла ему баушка со спящим зельем лепешечку. Он взял закусил да крепко и уснул. Лошадушки по лугам разбежались, по кустам размыря́лись. Он крепко спал, вплоть до вечера пролежал.

Проведала то на дубу пчелиная матка и говорит своим дитяткам: «Полетайте, дитятки мои, во зеленые луга! Ванюшка крепко спит, не проснется. Его разбуждайте, коней его собирайте!» И некоторая одна была сильная пчела, прилетает к Ванюшке и жалит его за белое лице. Ванюшка проснулся, горькими слезами заливался: ни одной лошадушки перед ним нет, и не знает же он, где их взять, и некого ему домой гнать. Вот пчела и говорит: «О, бери-ка, Ванюшка, кнут, да вот постой-ка тут! Пригоним мы тебе». Как собрались все пчелки летать по зеленым лугам; оне стали летать, стали брюнчать, стали кобылушек собирать, да Ванюшке на́ руки отдавать. «А вот да ну, Ванюшка, гони-ка!» Ванюшка взял да их кнутиком к

баушке и погнал. «На-ка вот тебе, баушка, исполнил твое приказание». — «Ну ладно, Ваня, жди, что будет наутро». Наутро баушка встает, приказ Ванюшке отдает: «На-ка вот, Ванюшка, гони да сохранно пригони! На-ка вот тебе лепешечку за работу». Он лепешечку взял, в пазушку поклал, выгнал кобылушек во зеленые луга, и так-то ходят кобылушки смирно, травку пощипывают, ключевую водицу прихлебывают, а походят да полежат. Ванюшка поесть захотел, взял да вынул из-за пазухи кусок; крепко закусил и шибко спать запустил. Думает, немного — до́ вечера проспал. Вот кобылушки и стали по кустам мырять, по кустам да по кустам, по мышиныим норам. А вот тут-то была мышиная матка, дорогу перебегала, больно была гладка. Распорядилась старая мышь Ванюшку разбудить и кобылушек собрать. Подбежала старая мышь: «Ох, ты, Ванюшка-Ваня! Ночь-то на дворе, а мы плачем об тебе! Надо тебе встать и кобылушек домой гнать». Встал Ванюшка, встряхнулся, горючьми слеза́ми зали́лся и сказал: «Ох мать, ты моя мать, старая мышь! Надо бы тебе добродетель мою знать и кобылушек пригнать!» Старая мышь всех молодых мышей за ними послала; всех кобылушек собрала, и погнал их Ванюшка домой. «На-ка тебе, баушка, я два дни пропас». — «Ох, Ванюшка, еще завтра день погоняй-ка. Завтра дальше, а хлеба-то бери больше». Встал Ванюшка поутру, собрался́ и погнал. Захотел поесть, откусил лепешечку и заснул; проспал до вечера. Лошадушки по кустам размырялись, а рак увидал, всех их к Ванюшке согнал и его разбудил. Погнал Ванюшка кобылушек домой: «Будет, баушка, я тебе не слуга, а за работу денежки, а не денежки — так деушки!» — «Выбирай, Ванюшка, любую кобылушку!» (А это не кобылушки, а красны деушки). Вот лег Ванюшка спать, и приходит из двенадцати большая сестра и дает ему знать: «Что ты, Ванюшка, думаешь?» — «Сам не знаю, что думаю». — «А возьми ты меня за себя замуж: я тебя добру научу. Ванюшка ей слово сказал и руку ей дал: «Будешь ты моя жена неразлушная!» — «Смотри же, Ванюшка, будь ты не плох, да не дурён: на 12-11 дур, а самая малая — умница. Нас всех к колоде расставят и насыплют всем овса; мы будем все жирные и гладкие, а наша малая сестра бежать-то больно быстра, она будет в колоде лежать. Ты возьми да и скажи баушке: "А вот, мол, ладно мне тощая-то!" Вот ты из колоды ее подыми, да мочальцем обратай, да за пояску привяжи; скажи баушке: "Будет и прощай"». Ванюшка так и сделал. Сел на коня и уехал к баушке-просвирне; приехал и спрашивает: «А что, баушка-просвирня, как повидать Марью Красу, Черную Косу? Не поминат ли она обо мне?» Та и говорит: «Мы так думали, что тебя и живого нет, а если про тебя из нас двоих кто помянет, с того голову долой. А ну да ляг, Ванюшка, полежи, а я к ней схожу». Приходит баушка-просвирня к Марье

Красе: «А, здравствуй, Марьюшка!» — «Здравствуй, баушка!» — «Дава́-ка, Марьюшка, поиграем в карточки!» Взяли да и поиграли. Баушке-то досталась кралечка, а Марьюшке-то королёк. И говорит баушка: «Э, да какой королек-то хороший, Марьюшка!» — «Быдто Иван-царевич, баушка!» — «Ох, Марьюшка, так-то так, да не ладно. Да-ка мне тупой топор, срублю твою голову! Ведь у нас с тобой уговор был: кто первый про Ивана-царевича помянет, с того голову долой». — «Ну да, баушка, будет да и ладно. Здесь нет никого, а кабы он был здесь, не рассталась бы я с нём». — «А Ванюшка-то, Марьюшка, на диване лежит!» Марьюшка побежала, Ванюшку увидала, во саха́рные уста целовала. «Ну, Ванюшка, ты помрешь, и я с тобой!» — «Я бы был, Марьюшка, жив, будешь и ты жива!» Сели на кобылушек да и поехали.

Приезжают ее родные братья, спрашивают у баушки: «А де наша сестра?» Баушка и говорит: «Иван-царевич увез». — «Мы его терзали, да видно, мало!» Сели двенадцать братов на двенадцать пежин, сели да полетели, как млад ясен соко́л. Стали Ванюшку догонять; Ванюшка стал кобылушку под голяшку хлыстать. Вот кобылушка взвилась, как белый лебедь. Пегая кобыла — выше, а под Васильем кобылушка еще выше. Приехали к батюшке, а батюшка был старёхонек. Иван-царевич и говорит: «Здравствуй, батюшка!» Тот обрадовался, Ванюшке на белую грудь бросался, с Ванюшкой целовался. «Ох, да ладно, Ванюшка, что приехал на свою сторонушку!» Тут и сказке конец, сказал ее молодец, и нам, молодцам, по стаканчику пивца, за окончанье сказки по рюмочке винца.

(Записано от Абрама Новопольцева, в селе Новиковке Самарск. губ. Ставропольск. уезда)

Сказки и предания Самарского края. Собраны и записаны Д. Н. Садовниковым. С.-Петербург, 1884.